

Идентификация событий в префиксально-постфиксальном словообразовании¹

МГУ имени М.В. Ломоносова, МПГУ, Москва, Россия

Институт русского языка имени В.В. Виноградова, Москва, Россия

В статье обсуждаются структурные и семантические характеристики префиксально-постфиксальных глаголов на *у-* *-ся* и *об-* *-ся*, в которых они деривируются от вторичных имперфективных основ. Основная проблема, которую они создают для теоретического анализа русского глагольного словообразования, состоит в том, что в этом случае в составе производного глагола допускается два лексических префикса, невозможные в других конфигурациях. В статье предлагается анализ, который опирается, с одной стороны, на генеративно-синтаксический подход к продуктивной деривационной морфологии, а с другой — на тот вариант теоретико-модельной семантики, который получил известность как семантика событий. Дистрибуция префиксов в составе рассматриваемых глаголов объясняется при помощи допущения, что в префиксально-постфиксальной конфигурации присутствуют две глагольные группы. Одна из них проецируется лексическим глаголом, вторая — фонологически не реализуемой глагольной вершиной. Каждая глагольная вершина способна лицензировать лексический префикс. Семантическая интерпретация этой конфигурации обеспечивается правилом обобщенной идентификации событий, которое создает пересечение экстенсионалов соответствующих событийных предикатов. Роль постфикса *-ся* сводится к операции рефлексивизации, которая устраняет некорректность актантной структуры, возникающей в результате идентификации событий.

Ключевые слова: префиксально-постфиксальное словообразования, лексические префиксация, супралексическая префиксация, семантика событий

1. Введение

Цель этой статьи — предложить несколько наблюдений о морфосинтаксисе и семантике префиксально-постфиксальных глаголов на *у-* *-ся* и *об-* *-ся* и обсудить теоретические следствия, вытекающие из этих наблюдений.

Глаголы этого типа имеют несколько значений, перечисленных в [РГ 1980]. Мы сосредоточимся на их семантически близких употреблениях, описываемых в (1а-с):

- (1) а. *у-* *-ся*
'дойти до нежелательного состояния (крайней усталости, бессилия, истощенности) в процессе длительного или интенсивного действия, названного

¹ Работа первого автора поддержана грантом РНФ (проект 16-18-02003 «Структура значения и ее отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка», реализуемый в МПГУ). Авторы глубоко признательны О.В. Кукушкиной за обсуждение вопросов, связанных с конфиксацией / циркумфиксацией в русском языке, и анонимным рецензентам «Вестника Московского университета» за комментарии, позволившие, как мы надеемся, сформулировать некоторые положения статьи более отчетливо и внятно.

мотивирующим глаголом' (*убегаться* (разг.) 'утомиться от длительного бега', *уездиться* (прост.), *упрыгаться* (разг.), *уходиться* (прост.))

в. *об- -ся*

'за длительное время или с большой интенсивностью совершить действие, названное мотивирующим глаголом' (*обыскаться* (прост.) 'потратить много времени в поисках кого-чего-л., обыскать все, везде', *обхохотаться* (прост.))

с. *об- -ся*

'действие, названное мотивирующим глаголом, совершить с излишней интенсивностью, причинив себе неприятность' *объестся* 'съесть слишком много, до пресыщения', прост.: *облопаться*, *обожраться*, *обтрескаться*.

Такие употребления традиционно характеризуются как частные реализации интенсивно-результативного способа действия ([Исаченко 1960] и последующая литература). Представленные в [РГ 1980] примеры на каждую из этих возможностей показаны соответственно в (2)-(4):

- (2) а. Без гостинца приедешь – **уревусь** (Яшин);
б. Я прямо **ухихикался** (Э. Дубровский);
с. Ребята другой раз так **урабатываются** – шатаются идут (Чивил.).
- (3) а. Разве с таким парнем худо в кино сходить? Ползавода **обзавидуется** (Никол.);
б. Так строго говорила со снохой, что Нинка **обрыдалась** и обещала перемениться (А. Борщаговский)
- (4) Капустки с сыренькой водичкой **обхлебались** (Леон.).

Мы предполагаем, что сказанное ниже о (1а-с) распространяется (возможно, с некоторыми уточнениями) и на другие значения/ употребления интенсивно-результативных глаголов на *у- -ся* и *об- -ся*, а также на многие другие префиксально-постфиксальные глаголы. В оставшейся части статьи, однако, мы сосредоточимся главным образом на материале глаголов из (1а-с).

Как указывает Е.А. Земская и ее соавторы, «глаголы данного способа образования характеризуются общими семантическими чертами: они указывают на высокую интенсивность, насыщенность, исчерпанность действия и характеристику его результата. Названные семантические особенности обуславливают определенную экспрессивно-оценочную значимость подобных глаголов» [Земская et al. 1981:136]. Вследствие этого, по всей видимости, рассматриваемая деривационная модель наиболее активна в разговорном регистре.

Известная нам литература по русскому глагольному словообразованию, опирающаяся на классические работы Н.С. Авиловой [Авилова 1964], В.Н. Головина [Головин 1959, 1967, 1974, 1976], В.В. Лопатина [Лопатин 1977], А.Н. Тихонова [Тихонов 1998], оперирует главным образом материалом, где глаголы, образуемые с помощью элементов типа *у- -ся* и *об- -ся*, мотивированы производными имперфективными основами. Таковы, в частности, все примеры из (2)-(4). Если согласиться с предположением, что *у- -ся*, *об- -ся* и аналогичные единицы представляют собой единый морфологически показатель, обрамляющий производящую основу (существует традиция использовать для обозначения таких единиц термины «циркумфикс» или «конфикс»), то деривация глаголов из (2)-(4) происходит в один шаг:

- (5) реве- → у-реве- **-ся**
хихика- → у-хихика- **-ся**
работа- → у-работа- **-ся**
завидова- → **об-**завидова- **-ся**
рыда- → **об-**рыда- **-ся**
хлеба- → **об-**хлеба- **-ся**

В разделе 4 мы сформулируем наши предположения о функции префиксального и постфиксального компонентов таким образом, что предполагать их циркумфиксальный характер более не потребуется (см. Земская 2011, Левицкая 2012, Марков 2001, Минеева 2015, где обсуждаются аргументы проблема эмпирической реальности конфиксов в русском языке). Однако сейчас намного важнее другой вопрос: верно ли, что непроизводная² имперфективная основа — единственный деривационный источник для глаголов рассматриваемого класса?

В этом месте возникает эмпирическая проблема, составляющая основное содержание предлагаемых заметок. Внимательное исследование корпусного материала, в особенности близкого к разговорному и просторечному регистрам (чаты, обсуждения, диалоги на интернет-форумах и т.п.), обнаруживает значительное количество глаголов интересующего нас типа, образованных от вторичных имперфективных основ. Эта возможность, насколько мы можем судить, систематически не обсуждалась в предшествующей литературе по предмету. Некоторые корпусные примеры показаны в (6)-(7); для каждого случая мы приводим левый контекст, необходимый для понимания иллюстративного предложения:

- (6) а. — А какие еще-то форварды сейчас 5???
— Кержаков, Кокорин..... не?
— Кержаков аж **узабивался**.))) Про Кокорина ничего не могу сказать...
- б. Сейчас автор сама распоряжается своим бюджетом. А при возвращении она окажется под контролем М. И я готова поставить на то, что все, что муж ей даст, он же и проест, а потом ее же и тыкать будет, что он весь **узарабатывался**, а она все деньги потратила непонятно на что.
- с. Первый альбом «Депутата Балтики» писал человек, у которого был четырехканальный кассетный магнитофон — и это было мегакруто... Сейчас это, конечно, смешно: на ноутбук, даже на планшет можно хреначить все, вообще не напрягаясь, причем с таким качеством! То есть чуть-чуть не повезло. Чуть-чуть бы попозже — он бы **узаписывался**, это было бы столько проектов, у него была куча идей. Жалко.
- д. — Я слышал, народ сидит у шамана пару недель, видимо до полного открытия третьего глаза. Расскажи, если можешь, о впечатлениях, не по-детски интересно.
— Практики через день, дней десять. Мы были на одной, так как ехали путешествовать. Часть русских осталась наподольше «открывать третий глаз». Большой немец, думаю, **уоткрывался**: до Августина он был еще у двух шаманов.

² Здесь и далее непроизводной глагольной основной мы называем основу, которая не участвовала в каких-либо деривациях, превращающих глагол в другой глагол.

e. Самое ненавистное заболевание зимой — насморк! Вчера чихал весь день, сегодня "прорыв центральной трубы". (((**Узакапывался** всем, чем можно и нельзя.

f. — Если активация слетает, достаточно один файл переписать в папку с установленной программой.

— Я выше написал, что в этом случае не помогало. **Упереписывался**. Слишком много сетевых карт было в компьютере.

(7) *Об- -ся*

a. — И не стыдно тут свои ссылки размещать? Если уж хочешь поделиться с народом, то давай прямые нормальные ссылки а не со вставленным своим рефом, пытаюсь на этом заработать. — **Обзарабатывался** прям на тебе. Дворец построю теперь. Ссылки скопированы с ютуб-обзора чьего-то.

b. — Вот поэтому меня и удивляют люди, которые едут в США. Ученые и специалисты работают там, конечно, хорошо, может быть, только забывают, что платят налогов, больше, чем в России, а потом, кстати, могут запросто попасть в неудобные, и вкатят им такие штрафы, что придется МИДу РФ вытаскивать их с задницы.

— Да МИД прям весь **обвытаскивался!**

c. В наличии целых две пилорамы, и право их всячески запускать, шевелить рудами, закрывками, и нажимать на все существующие кнопки по необходимости. Было бы чем записать звуки, **обзаписывался** бы!

d. — Если вызвать диалог настроек панельки, потом закрыть его, а потом кликнуть мышкой на рабочем столе,.. то автоскрытие панельки не срабатывает. Обнаружил такое поведение при закрытии окна настроек из панели задач...

— Странно, но у меня такое в этот раз только при первом открытии окна настроек было. Сейчас **оботкрывался-обзакрывался**, но дальше не воспроизводится.

e. — Марганец можно найти в сундуках в подземельях. Там та же машинка электрическая для копания и прочие электроинструменты. Хром - там же, либо переработав рубины в электролизере.

— Я **обперерабатывался** рубинов, ископал всю пустыню

Если по-прежнему анализировать элементы *у- -ся*, *об- -ся* и аналогичные как циркумфиксы / конфиксы, деривационная структура глаголов из (6)-(7) выглядит так, как показано в (8) для глаголов *узавиваться*, (6а), и *обзарабатываться*, (7а).

(8) a. би- → за-би- → за-би-ва- → об-за-би-ва- -ся

b. работа- → за-работа- → за-рабат-ыва- → об-за-рабат-ыва- -ся

Как видно из (8а-б), до присоединения циркумфикса происходит префиксация, превращающая морфологически элементарную основу в префиксальную перфективную, а затем вторичная имперфективация.

Вторичная имперфективация, по всей видимости, не несет значительной семантической нагрузки и происходит главным образом для удовлетворения селективных ограничений показателей *у-* -ся и *об-* -ся. На это указывает недопустимость этих показателей в комбинации с перфективными основами, как с префиксальными, так и беспрефиксальными. Последние иллюстрируются в (9) и (10):

- (9) Основа *реши-*
а. И вот он ее решает-решает, **об-реша-л-ся** || ***об-реши-л-ся** весь. Видно же со стороны - насилует ситуацию.
б. В его возрасте проблемы решают по мере поступления, а он и так **урешался** || ***у-реши-л-ся** за день.
- (10) Основа *купи-*
а. Какой прекрасный покупатель в нижнем правом углу на нижней картинке! **У-покупа-л-ся** || ***у-купи-л-ся** по самое немогу
б. Респект за народный рецепт, совсем позабыл. **Об-покупа-л-ся** || ***об-купи-л-ся** уже всякой химии — все-равно достают, гады.

Если примеры типа (9)-(10) указывают на селективное ограничение на имперфективность основы, присущее показателям *у-* -ся и *об-* -ся, то необходимость вторичной имперективации для тех случаев, когда отправной точкой деривации выступает префиксальная перфективная основа, как в (6)-(7), вытекает без всяких дополнительных допущений. Удаление показателя вторичного имперфектива из деривационной цепочки, очевидно, приводит к неграмматичности. Это иллюстрируют (11)-(12), полученные из (6)-(7) заменой вторичной имперфективной основы на префиксальных перфективную:

- (11) а. *Кержаков аж **узабился**.
б. *... он весь **узаработался**
в. *... он бы **узаписался**
д. *Больной немец, думаю, **уоткрылся**
е. ***Узакапался** всем, чем можно и нельзя.
ф. ***Упереписался**. Слишком много сетевых карт было в компьютере.
- (12) а. ***Обзаработался** прям на тебе.
б. *Да МИД прям весь **обвытаскался!**
в. *Было бы чем записать звуки, **обзаписался** бы!
д. *Сейчас **оботкрылся-обзакрылся**, но дальше не воспроизводится.
е. *Я **обпереработался** рубинов, ископал всю пустыню

Таким образом, имперфективность производящей основы не составляет, по-видимому, большой загадки. Глаголы в (6)-(7) примечательны другим своим свойством, которое сформулировано в (13):

- (13) В глаголах, образованных от вторичных имперфективных основ, префиксальный элемент показателей типа *у-* -ся и *об-* -ся занимает позицию, которая не ожидается с точки зрения имеющих на данный момент обобщений о префиксации в русском языке.

Чтобы в полной мере оценить нетривиальность структуры рассматриваемых глаголов, описанную в (13), нам понадобится короткий экскурс в теорию русской префиксации, предлагаемый в следующем разделе.

2. Лексические и супралексические префиксы

Русские префиксы распадаются на два больших класса — внутренние, или лексические, и внешние, или супралексические. Первым исследователем, который обосновал это противопоставление, была, по-видимому О.В. Бабко-Малая [Babko-Malaya 1999]³, которая описала несколько существенных различий между двумя классами, первое из которых, — различие в характере выражаемых значений.

Супралексические префиксы известны в славистике как показатели способа действия... Это *за-* в значении ‘начинать(ся)’, *от-* и *до-* в значении ‘завершать(ся)’, *по-* (‘в течение коротко времени’) и *про-* (‘в течении долгого времени’). Эти префиксы имеют стабильное значение и соответствуют фазовым глаголам и обстоятельствам в английском и других языках.. Лексические префиксы, в частности, чистовидовые и результативные, не имеют стабильного значения...

Как видно из этой цитаты, за разделением префиксов на две группы стоит в первую очередь семантическая интуиция: часть из них имеет значение, регулярно воспроизводящееся в любом лексическом контексте и как бы независимое от него, а другая обнаруживает склонность к слиянию со значением основы в неразложимое целое.

Помимо перечисленных у О.В. Бабко-Малой, к группе супралексических префиксов относятся также репетитивные *пере-*, комплетивный *до-*, аттенуативные *при-* и *под-*, дистрибутивные *пере-* и *по-*, кумулятивный *на-*, делимитативный *по-*, пердуративный *про-* [Romanova 2004, 2006, Ramchand 2004, Svenonius 2008, Татевосов 2009, 2013, 2014]. Супралексические префиксы, далее, распадаются на по меньшей мере на три частных разновидности [Татевосов 2009, 2012, 2013].

Говорить о членстве того или иного префикса в одном из классов осмысленно лишь применительно к определенному значению. Например, *на-* в кумулятивном значении (*наварить варенья, набрать грибов, настроить домов* и т.п.) — супралексический префикс, однако при так называемом чистовидовом употреблении (как в *написать*) эти же единица проявляет свойства лексического префикса.

Примечательное обобщение по поводу русской префиксальной системы состоит в том, что все имеющиеся префиксы имеют лексические значения/употребления. Есть, однако, префиксы, лишённые супралексических вариантов. Это, в частности, *в-/во-*, *вз-/взо-*, *воз-/возо-*, *вы-*, *над-/надо-*, *низ-/низо-*, *о-*, *об-/обо-*, *пред-/предо-*, *с-/со-* и *у-*.

Наиболее важное различие лексических и супралексических префиксов связано с их позицией в глагольной основе. Соответствующее обобщение представлено в (14):

(14) Обобщение о позиции

Если в основе имеются и лексический префикс и супралексический, первый располагается ближе к корню, а второй — на левой периферии основы.

³ Впервые противопоставление внешних и внутренних префиксов было введено, насколько нам известно, в работах А.-М. Ди Шулло (Di Sciullo 1997, 1999) на романском материале.

Контрпримеров для этого обобщения не существует. (15)-(16) иллюстрируют его для инцептивного *за-* и делимитативного *по-* в комбинации в лексических префиксами *вы-, о-, с-*:

- (15) Инцептивный префикс *за-* vs. лексические префиксы (*вы-, о-, с-*)
- а. А я **за-вы-ступал** только когда понял, что придется сдавать тригонометрию, а я в ней уже ни в зуб ногой. [schuldichsz.diary.ru]
а'. * ... вы-за-ступал ...
- б. — Я же не напрашиваюсь! Касаткин испуганно **за-о-глядывался**. — Потеше. [Роман Солнцев. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем (2000-2002) // «Октябрь», 2002]
б'. *о-за-глядывался
- с. В случае, если самолет сбивался над своей территорией -- тут уже требовались свидетельства наземки. И как-то странно выходит -- пока они наступали, т.е. наземка могла свидетельствовать в пользу экспертов, они сбивали мало. Как только начали отступать - вдруг **за-с-бивали** пачками!! [www.fido7.spb.su]
с'. с(о)-за-бивали
- (16) Делимитативный префикс *по-* vs. лексические префиксы (*вы-, о-, с-*)
- а. Повозили туда, сюда, **по-вы-ступал** он в залах и комнатах, в разных цехах и кооперативах, наконец десерт — неделя на море. [Анатолий Найман. Пропущенная глава // «Октябрь», 2001]
а'. ... *вы-по-ступал ...
- б. Если никто на меня не обидится, то я немного **по-о-писываю** разных (знакомых мне) людей (постараюсь имён не назвать). [boundary-s.livejournal.com]
б'. *... о-по-писываю .
- с. В основном сидел над GT3, по нему еще много работы, но уже хоть что-то есть. Кузов из "Carbona", весь в дырн расклеенный, я немного **по-с-клеивал** (но еще не до конца), затекстурил, вот первые in-game скрины.
с'. *... с-по-клеивал ...

Варианты а', б' и с' показывают, что глагольных основ с перестановкой лексического и внешнего префикса не существует: эти основы отвергаются носителями русского языка и не обнаруживаются в корпусах.

Другое важное обобщение описывает количественное ограничение:

- (17) Обобщение о единственности
В составе основы допускается не более одного лексического префикса. Количество супралексических префиксов не ограничено.

Это обобщение также подкрепляется наблюдениями над множественной префиксацией. Если в основе имеется более двух префиксов, то супралексическими оказываются все, кроме, возможно, одного, присоединяемого непосредственно к

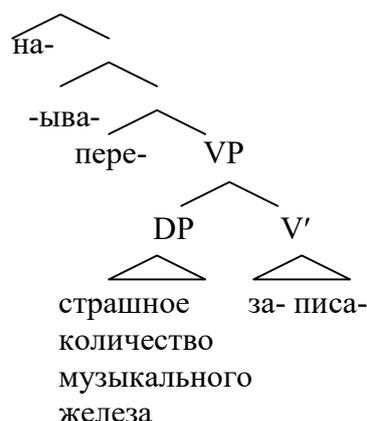
обсуждения существенно то, что этот подход позволяет сформулировать достаточно простое и интуитивно убедительное объяснение обобщений (14) и (17).

Первое, что следует предположить: лексические и супралексические префиксы различаются структурной позицией. Это предположение выдвинуто уже в диссертации О.В. Бабко-Малой:

Предположив, что два класса префиксов различаются синтаксической позицией, мы предсказываем, что лексические префиксы модифицируют значение глагола, а супралексические являются модификаторами глагольных групп или целых предложений. [Babko-Malaya 1999]

Преобладающее понимание префиксов, сложившееся в последующих работах, в целом следует этой идее, хотя и вносит в нее определенные уточнения. Сложилась традиция теоретизирования, согласно которой лексические префиксы присоединяются внутри глагольной группы, а супралексические — за ее пределами. Для (18), опуская детали, мы получаем структуру в (22):

(22)

В (22) все супралексические префиксы, а также показатель *-ыва-* расположены за пределами группы лексического глагола VP. Поскольку их точная категориальная идентификация для нас не важна, соответствующие узлы дерева составляющих оставлены без ярлыков. Глагольная группа создается соединением глагола и прямого дополнения *страшное количество музыкального железа*. Мы исходим из того, что прямое дополнение выступает спецификатором в глагольной группе. Соответственно, как глагольная основа, так и лексический префикс — это элементы составляющей V' (к ее внутренней структуре мы вскоре вернемся).

Структура (22) верно предсказывает обобщение (14). Будучи элементом глагольной группы, любой лексический префикс с неизбежностью оказывается линейно ближе к корню, чем любой супралексический, расположенный за ее пределами. Получает объяснение и меньшая семантическая композициональность лексических префиксов. Более короткая структурная дистанция между аффиксом и лексической категорией, в данном случае глаголом, создает благоприятные условия для их идиоматического взаимодействия⁵.

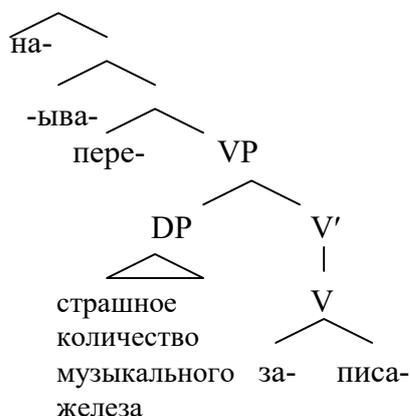
⁵ Синтаксически-ориентированные исследования идиом приходят к важному эмпирическому обобщению (см., например, Fellbaum 2014): в иерархической структуре идиоматичность прирастает монотонно. Если имеется, например, последовательность вершин $F_1 > F_2 > F_3$, мы встречаем в языках идиомы, содержащие F_2 и F_3 , а также F_1 , F_2 и F_3 , но не F_1 и F_3 , исключая F_2 . Соответственно, вероятность

Для объяснения обобщения (17), требуется, однако, дополнительное допущение. Супралексические префиксы, как мы видели, допускаются в количестве больше одного. Это указывает на то, что их позиции в структуре независимы. Присоединение одного такого префикса не исключает использования другого (при условии, конечно, что конечный результат удовлетворяет селективным ограничениям и оказывается семантически интерпретируемым). Если это так, то единственность лексического префикса должна вытекать из этого, что любые такие префиксы реализуют один и тот же элемент структуры, то есть присоединяются в одной и той же позиции.

В литературе этот структурный элемент обычно отождествляется с дескрипцией результирующего состояния, возникающего при осуществлении события, описываемого глагольным корнем. Например, *на-* в *написать* вводит в рассмотрение результирующее состояние, которое приобретает объект, создаваемый в процессе писания; *с-* в *списать* — состояние объекта, копируемого в процессе писания, *под-* в *подписать* — объекта, у которого появляется необходимый завершающий элемент («подпись») и т.д. Если для любого процесса в структуре можно задать ровно одно результирующее состояние, это объясняет, почему лексический префикс может быть только один.

О.В. Бабко-Малая делает самое минималистичное допущение из возможных: префикс представляет собой вершинный адьюнкт. Вопрос о возможности вершинной адьюнкции в синтаксической литературе нельзя признать полностью улаженным. При этом даже в тех вариантах теории, где такое допускается, не существует принципиальных ограничений на количество адьюнктов; соответственно, единственность лексического префикса в этом случае вытекает из семантических соображений. В духе О.В. Бабко-Малой структуру предложения (18) можно анализировать как (23) (к проблеме вершинной адьюнкции мы вернемся в разделе 4):

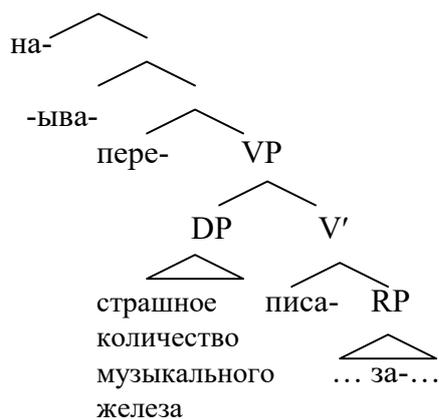
(23)

Имеется и другая традиция: синтаксический элемент, отвечающий за внедрение в структуру результирующего состояния, рассматривается как отдельная вершина. Обычно она обозначается как R (от *result*), а ее фразовая проекция — как RP. Как правило, она анализируется как комплемент глагольной вершины V, образующий вместе с ней составляющую V'. В этой традиции уточненный вариант анализа для (18) выглядит как (24):

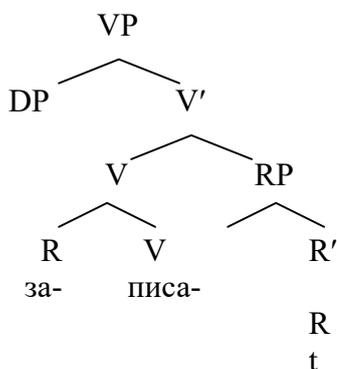
идиоматического взаимодействия между вершинами тем выше, чем более локально они расположены. Мы признательны рецензенту «Вестника Московского университета», предложившего нам сделать это разъяснение.

(24)

Фонологически корректная цепочка /наперезаписыва-/ получается из (24) в результате операции, известной в синтаксисе как передвижение вершины. Передвижение вершины *за-* и ее соединение с вершиной *писа-* показано в (25):

(25)

Сложная вершина [_V за-писа-] затем точно так же передвигается к вершине *пере-*, затем все вместе — к вершине *-ыва-* и так далее. Мы исходим из того, что взаиморасположение вершин в каждом конкретном случае (т.е. лево- или правосторонняя адьюнкция) определяется тем, что одна из вершин представляет собой аффикс. *За-*, например, — это префикс, который должен располагаться слева от основы, а *-ыва-* — суффикс, место которого справа. В префиксально-суффиксальном языке, таком, как русский, информацию о позиционном типе аффикса в любом случае невозможно удалить из его описания, так что такое понимание морфологической деривации глагола не обременяет теорию дополнительными допущениями. Мы предполагаем, что удовлетворение линейных потребностей аффикса — единственное ограничение, задействованное при построении основы посредством передвижения вершины⁶. Не имея возможности комментировать передвижение вершины более подробно, мы отсылаем читателя к соответствующей синтаксической литературе, например, [Carnie 2008] и [Dékány 2018].

3. Двойная лексическая префиксация

Имея набор обобщений из раздела 2, мы можем вернуться к наблюдению, изложенному в (13) и конкретизировать его. (13) повторяется как (26):

⁶ Мы признательны рецензенту «Вестника Московского университета», склонившего нас к этим минимальным пояснениям.

- (26) В глаголах, образованных от вторичных имперфективных основ, префиксальный элемент показателей типа *у-* *-ся* и *об-* *-ся* занимает позицию, которая не ожидается с точки зрения имеющихся на данный момент обобщений о префиксации в русском языке.

Основная проблема с глаголами на *у-* *-ся* и *об-* *-ся* состоит в следующем. Префиксы *у-* и *об-*, основной компонент циркумфиксов / конфиксов, ни в одном из употреблений не зафиксированы как супралексические. Мы никогда не встречаем их поверх каких-либо других префиксов. В многопрефиксальных конфигурациях они всегда расположены в позиции, характерной для лексических префиксов: контактно с корнем. Тем не менее в (6)-(7) *у-* и *об-* имеют дистрибуцию, характерную для супралексических префиксов: они расположены на левой периферии основы, дальше от корня, чем второй лексический префикс.

Глаголы типа *узабиваться* в (6а) или *обзарабатываться* в (7а) тем самым явно выпадают из обобщений (14) и (17).

Априорно можно вообразить себе более одного решения этой проблемы. Во-первых, возможно, что высказывавшиеся в литературе обобщения о дистрибуции *у-* и *об-* неверны. Эти префиксы допускают супралексические употребления, с которыми мы и сталкиваемся в (6)-(7). Во-вторых, можно предположить, что неверно обобщение в (17). Префиксы *у-* и *об-* являются лексическими в том смысле, что их присоединение происходит внутри глагольной группы, однако префиксальных позиций в глагольной группе, вопреки (17), имеется больше одной. Наконец, в-третьих, возможно допустить, что никакие обобщения не нуждаются в корректировке: *у-* и *об-* — действительно лексические префиксы, а позиция для них в глагольной группе действительно ровно одна. Тогда примеры типа (6)-(7) указывают на то, что в конфигурациях с глаголами типа *узабиваться* и *обзарабатываться* представлены две глагольные группы.

Первые два решения, на наш взгляд, создают для теории русского глагола трудноразрешимые эмпирические проблемы, что указывает на третье как наиболее приемлемое.

Хуже всего второе решение. Оно принуждает отказаться от обобщения (17). Если (17) неверно, можно ожидать, что среди многопрефиксальных русских глаголов должны быть представлены в серьезной пропорции глаголы с двумя лексическими префиксами — например, *вз-* и *вы-*, *у-* и *с-* и т.д. Очевидно, ничего подобного не наблюдается.

Эмпирически уязвимо и первое решение. Основная проблема связана с тем, что, помимо обсуждаемых префиксально-постфиксальных глаголов, ничто не указывает на супралексический статус *у-* и *об-*. Все указывает на обратное. Вот один пример.

В значении 'дойти до нежелательного состояния (крайней усталости, бессилия, истощенности) в процессе длительного или интенсивного действия' (см. (1)), префикс *у-* допускается не только при наличии постфикса *-ся*, но и в его отсутствие. Характерный пример показан в (27а); (27b) представляет собой минимальную пару, где *у-* представлен в том же значении, но в комбинации с *-ся*:

- (27) а. Сегодня мой Бармалей меня **у-гуля-л** в прямом смысле слова: спина отваливается, ноги оттоптал напрочь.
б. Песик **у-гуля-л-ся**, и приперся спать под дверью у котика.

Предположим, как подсказывает первое решение, что *у-* в этом значении проявляет свойства супралексического префикса. Если это так, мы должны наблюдать эти проявления не только в конфигурациях типа (27b), но и в конфигурациях типа (27a). Должны существовать глаголы, похожие на *угулять* в (27a), где *у-* присоединяется к вторичной имперфективной основе поверх лексического префикса. Таких глаголов, по видимому, не существует. Чтобы убедиться в этом, можно проделать простой эксперимент: взять глаголы из (6)-(7) и попытаться получить из них такую же пару, как *угулять-угуляться*. Отрицательный результат показан в (28): у возвратных элементов нет переходных аналогов; последние неграмматичны и неинтерпретируемы.

- (28) а. узабиваться || *узабивать
 б. узарабатываться || *узарабатывать
 в. узаписываться || *узаписывать
 г. уоткрываться || *уоткрывать
 д. узакапываться || *узакапывать
 е. упереписываться || *упереписывать

Эти соображения подводят нас к двум выводам. Во-первых, отказ от обобщений, обсуждавшихся в предыдущем разделе, эмпирически непривлекателен. Мы будем и дальше исходить из того, что *у-* и *об-* — лексические префиксы и что лексический префикс в глагольной группе может быть только один. Это означает, что там, где наблюдается два лексических префикса, следует предполагать две глагольные группы, как и подсказывает третье из обсуждавшихся выше решений. Во-вторых, двойная лексическая префиксация засвидетельствована только в циркумфиксальной конфигурации, когда второй лексический префикс комбинируется с постфиксом *-ся*. Анализ должен объяснять, почему постфиксация обязательна.

В следующем разделе мы изложим наброски такого анализа. Он содержит значительное количество технических подробностей из области формального синтаксиса и теоретико-модельной семантики. Мы, однако, надеемся, что основные обобщения, которые этот анализ должен отражать, понятны и на неформальном, интуитивном уровне.

4. Двойная глагольная группа

Идея о том, что в многопрефиксальных конфигурациях следует предполагать две глагольные группы, уже высказывалась в литературе. В диссертации Р. Жауцера [Žaucer 2009], написанной преимущественно на словенском материале, обсуждаются примеры типа (29)-(30):

- (29) Hej, Geldof, a se še nisi **na-od-poved-ova-l** koncert-ov?
 эй Гельдоф Q REFL еще NEG.AUX НА-ОТ-отменять-SI-PST.P концерт-GEN.PL
 ‘Эй, Гельдоф, еще не наотменялся концертов?’ [Žaucer 2009: 27]

- (30) na-za-vez-ova-ti se gojzarjev
 НА-ЗА-вязать-SI-INF REFL ботинок.GEN.PL
 ‘назавязываться ботинок’

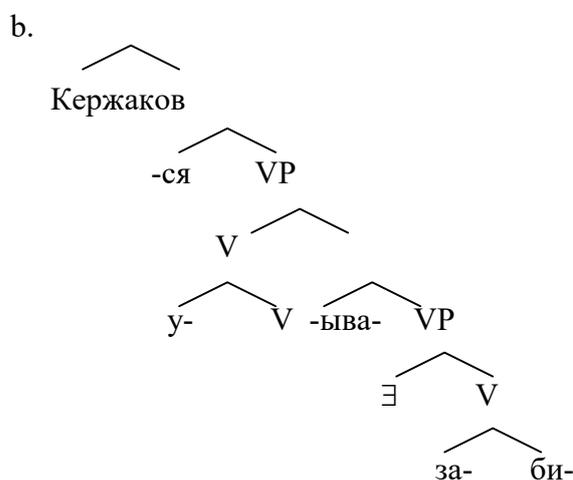
Р. Жауцер предполагает, что в (29)-(30) одна глагольная группа соответствует составляющим ‘отменять концерты’ и ‘завязывать ботинки’. Вторая состоит из

фонологически пустого глагола, префикса *на-* и его аргумента — возвратной клитики. В конечной структуре, которая создается одним фразовым передвижением и несколькими передвижениями вершин, первая глагольная группа становится спецификатором каузативной составляющей CausP, компонентом которой выступает вторая глагольная группа. В результате (30), например, получает интерпретацию в (31).

(31) Завязывание агенсом ботинок каузирует процесс, в результате которого он переходит в состояние истощенности⁷.

Мы полагаем, что основная идея, стоящая за этим анализом, абсолютно верна. Однако, соглашаясь с Р. Жауцером по существу, — в интересующих нас конфигурациях есть две глагольные группы, — мы предлагаем несколько иной анализ⁸. Синтаксическая структура, которую мы приписываем предложениям типа (32а), показана в (32b):

(32) а. Кержаков аж **узабивался**.

По соображениям семантической композиции, которые мы не имеем возможности комментировать сколько-нибудь подробно, мы отказываемся от идеи, согласно которой лексические префиксы возглавляют результативную проекцию, образующую с лексическим глаголом составляющую V'. Мы возвращаемся к исходному анализу О.В.

⁷ Состоянием истощенности мы кратко называем то состояние, которое в [РГ 1980] описывается как «невозможность продолжения действия в результате предшествующего интенсивного осуществления этого действия субъектом».

⁸ Не входя в детали, ограничимся простым перечислением проблем, с которыми сталкивается анализ Р. Жауцера и которых предлагаемая нами альтернатива позволяет, как кажется, избежать. Во-первых, ему требуется несколько неканонических допущений о передвижении вершины (например, передвижение не из вершины компонента, а из вершины спецификатора компонента). Во-вторых, в конце деривации создается предикат над каузируемыми событиями, тогда как канонические каузативные структуры проецируют каузирующие события [Lyutikova, Tatevosov 2014], [Татевосов 2015]. В-третьих остается неясным, что предотвращает появление в позиции аргумента префикса *на-* любой другой именной группы, кроме рефлексивной клитики. В-четвертых, не получает объяснения обобщение, сформулированное в конце предыдущего раздела: структура с двумя лексическими префиксами требует постфикса *-ся* и невозможна в его отсутствие. Дизайн теории Р. Жауцера нацелен на то, чтобы трактовать все имеющиеся префиксы как результативные, и обобщение оказывается трудно не только объяснить, но даже сформулировать.

Бабко-Малой, в соответствии с которым лексическая префиксация представляет собой вершинную адьюнкцию⁹.

Как отмечалось выше, существует значительная литература, в которой обсуждаются теоретические проблемы, создаваемые вершинной адьюнкцией, в первую очередь в рамках общей дискуссии о природе такой операции, как передвижение вершины. Классическое передвижение вершины, суть которого сводится к адьюнкции вершины к другой вершине, проблематично сразу по нескольким параметрам, см. подробное обсуждение в [Dékány 2018]. Проблемы, однако, связаны главным образом не с конечной конфигурацией вида $[\alpha \ \beta]$ как таковой, а с операцией передвижения, приводящей к ее возникновению (оно, например, нарушает ограничение на передвижение, известное как условие распространения, *extension condition*). Поскольку, согласно предположению, весьма вероятно, что сложные вершины в (32b) не является продуктом передвижения, они не должны создавать для деривации соответствующих затруднений. (См. также аргументы в защиту вершинной адьюнкции при передвижении вершины в Pesetsky 2013.)

Отдельный вопрос, на который обратил наше внимание рецензент «Вестника Московского университета», состоит в том, чем определяется, какая из вершин проецируется в конфигурации [Префикс V]. В (32b), согласно нашей гипотезе, это глагол, а не префикс. Часть ответа на вопрос, вероятно, вытекает из общих принципов, определяющих для произвольных синтаксических объектов α и β , какой из них проецируется при операции соединения [Chomsky 2013], если вообще проецируется хотя бы какой-то [Collins 2017]. Обсуждение этого круга проблем выходит далеко за пределы того, что мы можем надеяться осветить в этой статье. Другой, более частный возможный ответ, относится только к вершине, состоящий из префикса и глагола. Он состоит в том, что построение глагольной группы и расширенных проекций глагола дает возможность создать семантически интерпретируемую дескрипцию события (в частности, реализовать актантную структуру вершины V в предикации). Если бы проецировался префикс, а не глагол, это было бы скорее всего невозможно — хотя бы потому, что актантная структура V не получила бы синтаксического воплощения.

Обратимся к семантической деривации (32b). Нижняя вершина V обозначает отношение между двумя индивидами, событиями и состоянием в (33):

$$(33) \quad \parallel [V \text{ за-би-}] \parallel = \lambda y. \lambda x. \lambda s. \lambda e. [\text{би}'(e) \wedge \text{agent}(x)(e) \wedge \text{theme}(y)(e) \wedge \text{за}'(s) \wedge \text{holder}(y)(s) \wedge \text{cause}(s)(e)]$$

Это отношение, которые выражает глагол *забить*. Мы исходим из стандартного предположения, что все, что следует сказать о лексической семантике («толковании») этого глагола, обеспечивается экспликацией предикатов *би'* и *за'*, отвечающих соответственно за событийный и стивный компоненты отношения. Часть информации, которая содержится в значении этих предикатов, — это информация об их актантной структуре. Глагол *бить* переходен; соответственно у предиката *би'* имеется два актанта — пациенс/тема («*theme*» в (33)) и агенс («*agent*»). Префикс *за-*

⁹ По мнению рецензента «Вестника Московского университета», «вершинная адьюнкция занимает ключевое место в выдвигаемом в статье анализе и позволяет анализировать две приставки внутри одной глагольной словоформы как лексические». Это не совсем так. Возможность анализировать две приставки как лексические открывается в тот момент, когда мы начинаем предполагать в структуре две глагольные группы. Выбор между вершинной адьюнкцией, предложенной О.В. Бабко-Малой, и анализом в духе Р.Р. Романовой продиктован соображениями, которые нацелены на решение другой проблемы: как оптимизировать семантическую деривацию, стоящую за структурой с двумя глагольными группами.

вводит результирующее состояние с единственным участником — носителем этого состояния («holder»). Носитель состояния по необходимости тождественен пациенсу событийного компонента.

Пациенс отношения в предложении (32a) синтаксически не проецируется и получает экзистенциальную интерпретацию («есть такой индивид, который был забит»). В (34) это эта семантика реализована посредством экзистенциального закрытия \exists — оператора, связывающего соответствующую переменную:

$$(34) \quad \parallel [_{VP} \exists \text{ за-би-}] \parallel = \lambda x. \lambda s. \lambda e. \exists y [\text{би}'(e) \wedge \text{agent}(x)(e) \wedge \text{theme}(y)(e) \wedge \text{за}'(s) \wedge \text{holder}(y)(s) \wedge \text{cause}(s)(e)]$$

Применение экзистенциального закрытия в общем случае не является обязательным: глаголы исследуемого типа допускают дополнение в генитиве, как например, в (7e), в словенских примерах Р. Жауцера в (29)-(30) или в (35):

$$(35) \quad \text{Назабивался я всяких заклепок} \text{ предостаточно. Но я не сторонник обучать на форуме народ.}$$

Показатель вторичного имперфектива в примерах рассматриваемого типа создает для зависимого события итеративную интерпретацию: «узабивался» предполагает множественные акты забивания. Мы принимаем простейший из возможных анализов итератива — как показателя множественности событий “*” (о глагольной множественности см. [Lasersohn 1995, Landman 2000]). Кроме того, мы предполагаем по независимым соображениям [Tatevosov 2018], что одна из основных функций вторичного имперфектива — связывание стативного аргумента, после чего из отношения между событиями и состояниями получается событийный предикат:

$$(36) \quad \parallel \text{-ыва-} \parallel = \lambda S. \lambda x. \lambda e. *(\lambda e'. \exists s: S(x)(s)(e'))(e)$$

Соединение показателя вторичного имперфектива с отношением в (35) дает отношение между индивидами и событиями в (37):

$$(37) \quad \parallel [\text{-ыва-} [_{VP} \exists \text{ за-би-}]] \parallel = \lambda x. \lambda e. *(\lambda e'. \exists s \exists y [\text{би}'(e') \wedge \text{agent}(x)(e) \wedge \text{theme}(y)(e') \wedge \text{за}'(s) \wedge \text{holder}(y)(s) \wedge \text{cause}(s)(e')])(e)$$

Такова семантика компонента *забива-* в составе (32a): это отношение между индивидами и событиями, где индивид производит неоднократное забивание некоторого (не обязательно одного и того же) предмета. Как представляется, именно такая (достаточно скудная) информация о ситуациях забивания и содержится в семантике *узабиваться*.

Рассмотрим содержимое верхней глагольной группы. Основной ее компонент — сложная глагольная вершина, состоящая из префикса и лексического глагола V. Предлагаемая нами семантика этой вершины показана в (38):

$$(38) \quad \parallel [_{V} \text{ у-V-}] \parallel = \lambda x. \lambda s. \lambda e. [y'(s) \wedge \text{holder}(x)(s) \wedge \text{cause}(s)(e)]$$

Главная особенность этой вершины состоит в том, что лексический глагол V не реализуется никакой словарной единицей¹⁰. Соответственно, информация, доступная для этой вершины, сводится к абсолютному минимуму. Она обозначает событие, приводящее к возникновению некоторого результирующего состояния. Однако остаются не специфицированными ни дескриптивные свойства этого события, ни его состав его участников. Этим верхняя глагольная вершина $y-V$ отличается, например, от нижней *за-би-*, где свойства события определяются лексическим значением глагола *бить*. Результирующее состояние в (38), однако, задано с помощью префикса — так же, как и в любой префиксальной конфигурации. В нашем случае это состояние исчерпанности. Соответственно, единственный актант комплекса [$y-V$] лицензируется именно префиксом — как носитель этого результирующего состояния.

Следующий шаг анализа — показать, как две глагольные группы образуют интерпретируемое целое. Составляющая в (37) выступает компонентом глагольной вершины в (38). Мы предполагаем, что их соединение обеспечивается правилом композиции, которое можно обозначить как обобщенная идентификация событий. Оно описано в (39):

(39) Обобщенная идентификация событий

Пусть α и β — два дочерних узла в синтаксической структуре, причем денотат α имеет логический тип $\langle \sigma_{\alpha 1}, \langle \dots, \langle \sigma_{\alpha n}, \langle v, t \rangle \rangle \rangle \rangle$, а β — логический тип $\langle \sigma_{\beta 1}, \langle \dots, \langle \sigma_{\beta k}, \langle v, t \rangle \rangle \rangle \rangle$, где v и t — логические типы соответственно событий и истинностных значений, а σ — некоторый логический тип. Тогда [α β] обозначает следующую функцию логического типа $\langle \sigma_{\alpha 1}, \langle \dots, \langle \sigma_{\alpha n}, \langle \sigma_{\beta 1}, \langle \dots, \langle \sigma_{\beta k}, \langle v, t \rangle \rangle \rangle \rangle \rangle \rangle$:

$$\| [\alpha \beta] \| = \lambda \omega_{\alpha 1}. \dots . \lambda \omega_{\alpha n}. \lambda \omega_{\beta 1}. \dots . \lambda \omega_{\beta k}. \lambda e. \| \alpha \| (\omega_{\alpha 1}) (\dots) (\omega_{\alpha n}) (e) \wedge \| \beta \| (\omega_{\beta 1}) (\dots) (\omega_{\beta k}) (e)$$

Обобщенная идентификация событий представляет собой кратцеровскую идентификацию событий [Kratzer 1996], распространяемую на более широкий класс функций. (Кратцеровская идентификация событий — это, в свою очередь, обобщение правила предикатной модификации.)

Идея идентификации событий очень проста. Предложим, что синтаксические узлы α и β обозначают функции, которые в конечном итоге дают событийные предикаты. Идентификация событий требует, чтобы события из экстенционала первого предиката входили в экстенционал второго, т.е. создает пересечение экстенционалов. Одни события тем самым «идентифицируются» с другими. Все прочие аргументы результирующая функция «наследует» у обоих своих «родителей».

Соединяя (37) и (38) при помощи обобщенной идентификации событий, мы получаем (40) в качестве денотата верхней глагольной группы:

¹⁰ При таком анализе, безусловно, возникает вопрос об ограничениях на дистрибуцию фонологически пустого глагола, важность которых подчеркивает рецензент «Вестника Московского университета». Мы предполагаем, что по крайней мере часть ответа на этот вопрос диктуется двумя соображениями — семантическим и фонологическим. С семантической стороны пустой глагол не содержит информации о дескриптивных свойствах описываемой ситуации, и можно предположить, что в обычных условиях (простая одноглагольная предикация) его употребление блокируется более частными глаголами. С фонологической стороны естественно ожидать, что пустой глагол дефектен в качестве «посадочной площадки» для аффиксов. Двуглагольная конфигурация в (32b) обходит обе эти проблемы. За дескриптивные свойства ситуации отвечает нижестоящий глагол; он же выступает фонологически корректной основой для присоединения аффиксов.

$$(40) \quad \parallel [_{VP} [v \text{ у-V- }] [\text{-ыва- } [_{VP} \exists \text{ за-би- }]]] \parallel = \lambda y. \lambda x. \lambda s. \lambda e. y'(s) \wedge \text{holder}(y)(s) \wedge \text{cause}(s)(e) \wedge *(\lambda e'. \exists s' \exists z [\text{би}'(e') \wedge \text{agent}(x)(e) \wedge \text{theme}(z)(e') \wedge \text{за}'(s') \wedge \text{holder}(z)(s') \wedge \text{cause}(s')(e')])(e)$$

Благодаря идентификации событий, события множественного забивания, обозначаемые нижней глагольной группой, отождествляются с событиями, вызывающими переход актанта верхней глагольной группы в состояние исчерпанности.

(40) — функция с двумя индивидуальными аргументами, *y* и *x*. Один выступает носителем результирующего состояния исчерпанности, второй — агенсом забивания.

В этом месте выявляется важное эмпирическое преимущество анализа через обобщенную идентификацию событий в (39): он объясняет, почему *-ся* — необходимый элемент деривации.

Чтобы увидеть это, следует обратить внимание, что денотат в (40) создает интерпретационную проблему: внешняя глагольная группа способна соединиться с единственным внешним аргументом, тогда как (40), благодаря идентификации событий, требует двух. (Позиция внутреннего аргумента уже подверглась экзистенциальному закрытию и более недоступна.) Именно в этом месте проявляется роль постфикса *-ся*. Мы предполагаем, что он обозначает стандартный оператор рефлексивизации, отождествляющий две аргументные позиции:

$$(41) \quad \parallel \text{-ся} \parallel = \lambda S. \lambda x. \lambda s. \lambda e. S(x)(x)(s)(e)$$

Благодаря рефлексивизации, тот, кто забивает и тот, кто вступает в состояние исчерпанности, становятся одной сущностью¹¹. Это полностью соответствует интуитивному пониманию условий истинности *узабиваться*.

Таким образом, мы получаем простое и интуитивно приемлемое объяснение обобщения из раздела 2: двойная лексическая префиксация возможно только при наличии постфикса *-ся*. В предложенной системе этот результат неизбежен. Два лексических префикса означают две глагольные группы, две глагольные группы запускают обобщенную идентификацию событий, при обобщенной идентификации событий создается предикат, содержащий на одну аргументную позицию больше, чем синтаксическая структура способна вместить. Рефлексивизация — единственная возможность привести желания семантики в соответствие с возможностями синтаксиса и сравнить количество семантических валентностей с количеством синтаксических.

Отметим также, что такой анализ полностью соответствует идее Е.А. Земской (например, [Земская 2011]) отказаться от выделения циркумфиксов / конфиксов в русском языке. «Выделение конфиксов как особых морфем в русском языке,— пишет Е.А. Земская [Земская 2011: 32], — нецелесообразно. Наличие прерывистых морфем не

¹¹ «Рассматриваемые глаголы, — отмечает рецензент «Вестника Московского университета», — интуитивно семантически далеки от по-настоящему возвратных глаголов», и мы полностью согласны с этим суждением. Глаголы с рефлексивной семантикой, такие, например, как *застрелиться*, создаются при отождествлении внешнего и внутреннего аргумента переходного глагола, описывающего единое событие. В (40) это происходит с совершенно другими аргументами, обозначающими, более того, участников разных событий — агенса забивания и носителя состояния исчерпанности. Отсутствие интуитивного сходства в интерпретации этих двух типов глаголов на *-ся*, таким образом, полностью ожидаемо, хотя, согласно предположению, в том и другом случае применяется одна и та же семантическая операция. Остается добавить, что сама возможность минимизировать инвентарь значений показателя *-ся*, которую дает этот анализ, кажется нам эмпирически выигрышной, особенно в свете идеи, впервые высказанной, по-видимому, в [Chierchia 2004], согласно которой к этой же самой операции сводится и деривация декаузативов типа *сломаться*.

характерно для структуры русского языка. Кроме того, постфиксальные и префиксальные части конфиксов совпадают, как правило, по значению с соответствующими приставками и суффиксами». Наш анализ не предполагает не только то, что *у-* *-ся* и *об-* *-ся* следует рассматривать как морфологическую единицу, но даже и то, что присоединение префикса и *-ся* происходит одновременно. Эти элементы возникают в разных частях структуры, и каждый вносит свой регулярный вклад в интерпретацию.

После применения рефлексивного оператора в (41) к отношению (40) и заполнению позиции внешнего аргумента создается отношение между событиями и состояниями в (42):

$$(42) \quad || [\text{Кержаков} [-ся [_{VP} [_{V} \text{у-V-}] [-ыва- [_{VP} \exists \text{за-би-}]]]]] || = \lambda s. \lambda e. y'(s) \wedge \text{holder}(\text{Кержаков})(s) \wedge \text{cause}(s)(e) \wedge *(\lambda e'. \exists s' \exists z [\text{би}'(e') \wedge \text{agent}(\text{Кержаков})(e') \wedge \text{theme}(z)(e') \wedge \text{за}'(s') \wedge \text{holder}(z)(s') \wedge \text{cause}(s')(e')])(e)$$

В переводе на русский язык (42) сообщает следующее. (32а) обозначает отношение между событиями и состояниями, которое обладает свойствами, перечисленными в (43):

- (43) a. Состояние *s* вводится префиксом *у-* и описывается как состояние истощенности
 b. Носителем состояния *s* выступает Кержаков
 c. Состояние вызывается событием *e*
 d. Событие *e* описывается как множественный акт забивания некоторой сущности, агенсом которого также выступает Кержаков.

Все вместе таким образом, сообщает, что множественные забивания, произведенные Кержаковым, привели его в состояние истощенности. Как кажется, ровно эту семантику и выражает предложение *Кержаков узабивался*¹².

На этом наш сюжет исчерпан. Мы готовы суммировать основные результаты исследования.

5. Сумма наблюдений

¹² Рецензент «Вестника Московского университета» задает абсолютно справедливый вопрос о том, насколько возможно распространить этот анализ на префиксально-постфиксальные глаголы с единственным внутренним префиксом, такие, например, как *убегаться* или *обсморкаться*. Мы полагаем, что (32b) содержит для этого все необходимое. Структура *убегаться* показана в (i) в «плоской» нотации:

$$(i) [\text{Подлежащее} [-ся [_{VP} [_{V} \text{у-V-}] [_{VP} \text{бега-}]]]]]$$

Из сравнения (i) с (32b) становится ясно, что они различаются лишь отсутствием префикса при лексическом глаголе *бега-* и показателя вторичного имперфектива. Семантическая интерпретация этой структуры выстраивается так же, как показано в (33)-(42), с минимально необходимыми уточнениями. Событие, в котором происходит переход в состояние истощенности (верхняя глагольная группа), в конечном итоге идентифицируется как событие бега (нижняя глагольная группа) посредством обобщенной идентификации событий. Оператор *-ся* завершает деривацию, отождествляя участников этих событий. См. также [Киселева, Татевосов 2015], где обсуждается еще один возможный путь анализа глаголов такого типа.

Мы рассмотрели структурные и семантические характеристики префиксально-постфиксальных глаголов на глаголах на *у-* *-ся* и *об-* *-ся*, в которых они деривируются от вторичных имперфективных основ. Основная проблема, которую они создают для теоретического анализа русского глагольного словообразования, состоит в том, что в этом случае в составе производного глагола допускается два лексических префикса, невозможных в других конфигурациях. Мы предложили анализ, который объясняет такое поведение при помощи допущения, что в составе рассматриваемой префиксально-постфиксальной конфигурации присутствуют две глагольные группы. Одна глагольная группа проецируется лексическим глаголом, вторая — фонологически не реализуемой глагольной вершиной. Каждая глагольная вершина способна лицензировать лексический префикс. Семантическая интерпретация этой конфигурации обеспечивается правилом обобщенной идентификации событий, которое создает пересечение экстенционалов соответствующих событийных предикатов. Роль постфикса *-ся* сводится к операции рефлексивизации, которая устраняет некорректность актантной структуры, возникающей в результате идентификации событий.

Мы надеемся, что полученные результаты будут способствовать лучшему пониманию структурных и семантических процессов, происходящих в глагольной деривационной морфологии, и в конечном итоге позволят лучше понять грамматические ограничения на возможный русский глагол.

Литература

- Авилова Н. С.* Развитие приставочного глагольного словообразования // Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века / Под ред. В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведова (ред.). М., 1964.
- Головин В.Н.* Каталог типов приставочного внутриглагольного словообразования в современном русском литературном языке // Лексика. Терминология. Стили. Межвузовский сборник. Вып. 3. Горький, 1974.
- Головин В.Н.* О словообразовательной типологии русских приставочных глаголов и ее зависимости от семантики производящих коррелятов // Ученые записки Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Серия лингвистическая. Вып. 76. Горький, 1967.
- Головин В.Н.* Словообразовательная типология приставочных глаголов // Славянское языкознание. М., 1959.
- Земская Е.А.* Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие — 3-е изд., испр. и доп. — М., 2011.
- Земская Е.А., Китайгородская М.В. Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
- Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Т. 2. Морфология. Братислава, 1960.
- Киселева К.Л., Татевосов С.Г.* Гулял — нагулял — нагулялся. Заметки о структуре префиксально-постфиксальных глаголов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По мате-риалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 14 (21): В 2 т. Т. 1: Основная программа конференции. М.: Изд-во РГГУ, 2015. С. 272-283.
- Кронгауз М.А.* 1998. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.

- Левицкая А.Д.* Динамика словообразовательных процессов: глагольные префиксация и конфиксация. Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. 2012. № 2 (16). С. 150-153.
- Лопатин В.В.* Русская словообразовательная морфемика. М., 1997
- Марков В. М.* Замечания о конфиксации в современном русском языке // Марков, В. М. Избранные работы по русскому языку. Казань, 2001. С. 104–109.
- Минеева З.И.* Префиксально-суффиксальная деривация новых агентов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 5–6. С. 338–345.
- Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980.
- Татевосов С.Г.* 2009. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // Корпусные исследования по русской грамматике / Под ред. Киселева К.Л., Плуноян В.А., Рахилина Е.В., Татевосов С.Г. М., 2009.
- Татевосов С.Г.* Акциональность в лексике и грамматике. М., 2015.
- Татевосов С.Г.* Множественная префиксация и ее следствия. Заметки о физиологии русского глагола // Вопросы языкознания №3, 2013.
- Тихонов А.Н.* Русский глагол: Проблемы теории и лексикографирования. М., 1998.
- Улуханов И.С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая-реализация. М., 1996
- Babko-Malaya O.* Zero Morphology: A Study of Aspect, Argument Structure, and Case. Ph.D. dissertation. Rutgers, 1999.
- Carnie A.* Constituent Structure. Oxford, 2008.
- Chierchia, G.* A semantics for unaccusatives and its syntactic consequences // A. Alexiadou, E. Anagnostopoulou, M. Everaert (eds.). The Unaccusativity puzzle. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 22–59.
- Chomsky, N.* Problems of Projection // *Lingua*. №130, 2013. P. 33-49.
- Collins C.* Merge(X,Y) = {X,Y} // L. Bauke, A. Blümel, E. Groat (eds.). Labels and Roots. Berlin: De Gruyter Mouton, 2017. P. 47-68.
- Dékány É.* Approaches to head movement: A critical assessment // *Glossa: a journal of general linguistics*. №3(1). Art. 65, 2018. DOI: <http://doi.org/10.5334/gjgl.316>
- Di Sciullo A.M.* Prefixed verbs and adjunct identification // A. M. Di Sciullo (ed.). Projections and Interface Conditions. New York, 1997. P. 52-73.
- Di Sciullo A.M.* Verbal structure and variation // E. Trevino and J. Lema (eds.). Semantic Issues in Romance syntax. Amsterdam, 1999. P. 39-55.
- Fellbaum, Ch.* 2014. The syntax and grammar of idioms // T. Kiss, A. Alexiadou (eds.). Handbook of Syntax. Berlin: de Gruyter, 2014. P. 776-802.
- Landman F.* Events and plurality: the Jerusalem lectures. Dordrecht, 2000.
- Lasnik R.* Plurality, conjunction and events. Dordrecht, 1995.
- Ramchand G.* Time and the event: The semantics of Russian prefixes // *Nordlyd. Special issue on Slavic prefixes*. №32, 2004. P. 323-366.
- Romanova E.* Superlexical vs. lexical prefixes // *Nordlyd. Special issue on Slavic prefixes*. №32, 2004
- Romanova E.* Constructing Perfectivity in Russian. Ph.D. dissertation. Tromsø, 2006.
- Svenonius P.* 2004. Slavic prefixes inside and outside VP // *Nordlyd. Special issue on Slavic prefixes*. №32, 2004.
- Svenonius P.* Russian prefixes are phrasal // Zybatow, G., Szucsich, L., Junghanns, U., Meyer R., (eds.). Proceedings of Formal Descriptions of Slavic Languages 5. Frankfurt am Main, 2008.
- Tatevosov S.* On the aspectual architecture of Russian. Ms., Lomonosov Moscow State university.

Сведения об авторах

Татевосов Сергей Георгиевич
заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
заведующий лабораторией общей семантики Института современных лингвистических исследований МПГУ
доктор филологических наук, профессор РАН
tatevosov@gmail.com
+7 903 775 58 69
119991 Москва, Ленинские горы, 1, с. 51, МГУ, 1 учебный корпус, филологический факультет

Киселева Ксения Львовна
старший научный сотрудник Института русского языка имени В.В. Виноградова
кандидат филологических наук
xenkis@mail.ru
119019 Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка РАН.

S.G. Tatevosov, K.L. Kiseleva

Event identification in Russian circumfixal derivation

Lomonosov Moscow State University, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Vinogradov Institute for Russian Language, Moscow, Russia

The article explores morphosyntactic and semantic characteristics of the so called circumfixal verbs derived by the application of the prefixes *u-* and *ob-* in combination with the reflexive morpheme *-sja*. The main focus is put on the pattern where the starting point of the derivation are secondary imperfective stems. The structure of the verbs derived according to this pattern is puzzling, they license two lexical prefixes within the same verb stem. Outside of this configuration, multiple lexical prefixation is unattested and considered impossible in the existing literature, since there is a plenty of evidence that the number of lexical prefixes is limited to one per VP. We argue the structure of *u-sja* and *ob-sja* verbs based on secondary imperfective stems is best accounted for on the assumption that such verbs project two VPs. One VP comes out as the projection of the lexical verb stem extended by the secondary imperfective. We assume that lexical prefixes adjoin at the V^0 level. The resulting head is interpreted as a relation between individuals, events and states. The VP projected by this head merges as the complement of a phonologically null verb, to which the second lexical prefix adjoins. We propose that the denotations of these two elements are combined by Generalized Event Identification, which creates the intersection of the extensions of the two event predicates. We take the reflexive morpheme *-sja* to identify two individual argument positions that are active after event identification. This operation repairs the mismatch between the number of semantic arguments and the number of available syntactic positions and allows the derivation to converge.

Keywords: circumfixal derivation, lexical and superlexical prefixation, event semantics

Literature

- Avilova N.S.* Razvitie pristavochnogo glagol'nogo slovoobrazovaniya. [Evolution of prefixal verbal derivation.] Glagol, narechie, predlogi i soyuzy v russkom literaturnom yazyke XIXveka. Pod red. V. V. Vinogradov, N. YU. SHvedova (red.). M., 1964.
- Golovin B.N.* Katalog tipov pristavochnogo vnutriglagol'nogo slovoobrazovaniya v sovremennom russkom literaturnom yazyke. [The inventory of verbal derivational types in Modern Standard Russian.] Leksika. Terminologiya. Stili. Mezhvuzovskij sbornik. Vyp. 3. Gor'kij, 1974.
- Golovin B.N.* O slovoobrazovatel'noj tipologii russkikh pristavochnykh glagolov i ee zavisimosti ot semantiki proizvodnykh korrelyatov. [On the derivational typology of Russian prefixal verbs and its relation to the meaning the non-derived counterparts.] Uchenye zapiski Gor'kovskogo gosudarstvennogo universiteta im. N: I. Lobachevskogo. Seriya lingvisticheskaya. Vyp. 76. Gor'kij, 1967.
- Golovin B.N.* Slovoobrazovatel'naya tipologiya pristavochnykh glagolov. [A derivational typology of prefixal verbs.] Slavyanskoe yazykoznanie. M., 1959.
- Zemskaya E.A.* Sovremennyy russkij yazyk. Slovoobrazovanie. [Modern Russian: Derivational morphology]: ucheb. posobie — 3-e izd., ispr. i dop. — M., 2011.
- Zemskaya E.A., Kitajgorodskaya M.V., Shiryayev E.N.* Russkaya razgovornaya rech'. Obshhie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis. [Spoken Russian. An overview, derivational morphology and syntax.] M., 1981.
- Isachenko A.V.* Grammaticheskij stroj russkogo yazyka v sopostavlenii so slovackim. [Grammar of Russian as compared to the grammar of Slovak] T. 2. Morfologiya. Bratislava, 1960.
- Kiseleva K.L., Tatevosov S.G.* Guljal — naguljal — naguljalsja. Zametki o strukture prefiksno-postfiksnykh glagolov [Notes on the structure of circumfixal verbs.] Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoj mezhdunarodnoj konferentsii «Dialog». Issue 14 (21). Vol. 1: Osnovnaya programma konferentsii. M., 2015.
- // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 14 (21): В 2 т. Т. 1: Основная программа конференции. М.: Изд-во РГГУ, 2015. С. 272-283.
- Krongauz M.A.* 1998. Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika [Prefixes and verbs in Russian: a semantic grammar]. M.
- Levitskaya A.D.* Dinamika slovoobrazovatel'nykh protsessov: glagol'nye prefiksatsiya i konfiksatsiya. [Dynamics of morphological derivation: verbal prefixation and circumfixation.] Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Yazykoznanie. 2012. № 2 (16). P. 150-153.
- Markov V. M.* Zamechaniya o konfiksatsii v sovremennom russkom yazyke. [Notes on circumfixation in Modern Standard Russian.] Markov V. M. Izbrannye raboty po russkomu yazyku. Kazan, 2001. P. 104–109.
- Mineeva Z.I.* Prefiksno-suffiksalnaya derivatsiya novykh agentivov [Circumfixal derivation of novel agent nominals.] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2015. № 5–6. S. 338–345.
- Lopatin V.V.* Russkaya slovoobrazovatel'naya morfemika [Russian derivational morphology]. M., 1997
- Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Pod red. N. Yi. Shvedovoj. M., 1980.
- Tatevosov S.G.* Mnozhestvennaya prefiksatsiya i anatomiya russkogo glagola. [Multiple prefixation and the anatomy of Russian verb.] Korpusnye issledovaniya po russkoj

- grammatike. Pod red. Kiseleva K.L., Plungyan V.A., Rakhilina E.V., Tatevosov S.G. M., 2009.
- Tatevosov S.G.* Akcional'nost' v leksike i grammatiki. [Actionality in lexicon and grammar.] M., 2015.
- Tatevosov S.G.* Mnozhestvennaya prifiksaciya i ee sledstviya. Zametki o fiziologii russkogo glagola. [Multiple prefixation and its consequences.] *Voprosy yazykoznanija* №3, 2013.
- Tikhonov A.N.* Russkij glagol: Problemy teorii i leksikografirovaniya. [Russian verb. Theoretical topics and lexicography.] M., 1998.
- Babko-Malaya O.* Zero Morphology: A Study of Aspect, Argument Structure, and Case. Ph.D. dissertation. Rutgers, 1999.
- Carnie A.* Constituent Structure. Oxford, 2008.
- Chierchia, G.* A semantics for unaccusatives and its syntactic consequences. A. Alexiadou, E. Anagnostopoulou, M. Everaert (eds.). *The Unaccusativity puzzle*. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 22–59.
- Chomsky, N.* Problems of Projection. *Lingua*. №130, 2013. P. 33-49.
- Collins C.* Merge(X,Y) = {X,Y}. L. Bauke, A. Blümel, E. Groat (eds.). *Labels and Roots*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2017. P. 47-68.
- Dékány É.* Approaches to head movement: A critical assessment. *Glossa: a journal of general linguistics*. №3(1). Art. 65, 2018. DOI: <http://doi.org/10.5334/gjgl.316>
- Di Sciullo A.M.* Prefixed verbs and adjunct identification. A. M. Di Sciullo (ed.). *Projections and Interface Conditions*. New York, 1997. P. 52-73.
- Di Sciullo A.M.* Verbal structure and variation. E. Trevino, J. Lema (eds.). *Semantic Issues in Romance syntax*. Amsterdam, 1999. P. 39-55.
- Fellbaum, Ch.* 2014. The syntax and grammar of idioms. T. Kiss, A. Alexiadou (eds.). *Handbook of Syntax*. Berlin: de Gruyter, 2014. P. 776-802.
- Landman F.* Events and plurality: the Jerusalem lectures. Dordrecht, 2000.
- Lasersohn P.* Plurality, conjunction and events. Dordrecht, 1995.
- Ramchand G.* Time and the event: The semantics of Russian prefixes. *Nordlyd. Special issue on Slavic prefixes*. №32, 2004. P. 323-366.
- Romanova E.* Superlexical vs. lexical prefixes. *Nordlyd. Special issue on Slavic prefixes*. №32, 2004
- Romanova E.* Constructing Perfectivity in Russian. Ph.D. dissertation. Tromsø, 2006.
- Svenonius P.* 2004. Slavic prefixes inside and outside VP. *Nordlyd. Special issue on Slavic prefixes*. №32, 2004.
- Svenonius P.* Russian prefixes are phrasal. Zibatow, G., Szucsich, L., Junghanns, U., Meyer R., (eds.). *Proceedings of Formal Descriptions of Slavic Languages 5*. Frankfurt am Main, 2008.
- Tatevosov S.* On the aspectual architecture of Russian. Ms., Lomonosov Moscow State university.

About the authors

Tatevosov Sergei Georgievich
 Head, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology,
 Lomonosov Moscow State University
 Head, General Semantics Laboratory, Institute for Modern Linguistic Research, Moscow
 Pedagogical State University
 D.Sc., Professor of the Russian Academy of Sciences
tatevosov@gmail.com

1, Leninskije gory, bldg. 51, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University,
119991 Moscow, Russia

Kiseleva Xenia Lvovna

senior researcher, Vinogradov Institute for Russian Language

C. Sc.

xenkis@mail.ru

18/2, Volkhonka St., Vonogradov Institute for Russian Language, 119019 Moscow,
Russia.